

Он начал робко с ноты «ДО»...

Наверное, поэты не могут жить долго. Они проживают более эмоциональную, более страдальческую жизнь. Боль других — их боль. С израненным сердцем долго не выдержишь. Небольшой архив все-таки сохранился. Письма, задумки неосуществленных сценариев, черновики песен, пластинки с дарственными надписями, театральные билеты на последний, уже не состоявшийся спектакль «Гамлет», траурная повязка, с которой стоял у гроба...

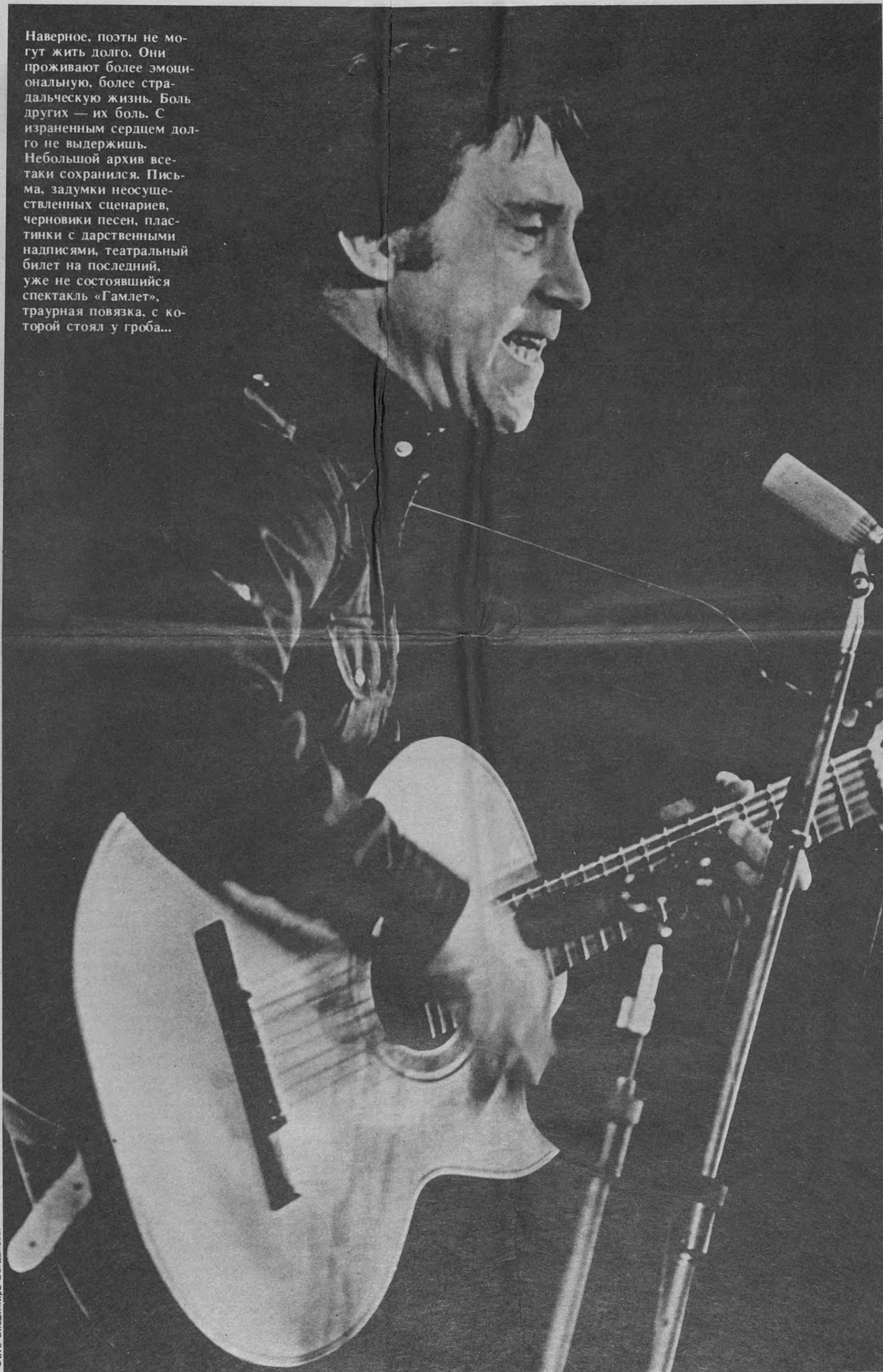

Фото Владимира Богданова.

...Сначала я услышал запись. Кто это? Откуда? Судя по песням — воевал, много видел, прожил трудную жизнь. Могучий голос, могучий темперамент. Представлялся большой, сильный, поживший...

И вот первое знакомство. Мимолетное разочарование. Стройный, спортивный, улыбающийся московский мальчик. Неужели это тот, тот самый?! Живой Высоцкий оказался много интереснее воображаемого идола. Запись сохраняет голос, интонацию, смысл песни. Но как много добавляют к этому живая мимика талантливого актера, его выразительные глаза, вздущиеся от напряжения жилы на шее. Высоцкий никогда не исполнял свои песни вполсилы. Всегда, везде — на концерте ли, дома ли перед друзьями, в палатке на леднике, переполненному ли залу или одному-единственному слушателю — он пел и играл, выкладываясь полностью, до конца, до пота.

Какое необыкновенное счастье было — дружить с ним. Уметь дружить — тоже талант. Высоцкий, от природы наделенный многими талантами, обладал еще и этим — умением дружить.

Мне повезло, как немногим. Счастливая звезда свела меня с ним на первой же картине. Было еще несколько фильмов, еще больше — замыслов. И между ними — это самое незабываемое — тесное общение так, без повода...

Иной раз листаешь старую записную книжку и среди пустых, незначительных записей натыкаешься на такие строки: «Приезжал Володя. Субботу и воскресенье — на даче. Написал новую песню». Помню, встретил его в аэропорту, в руках у него был свежий «Экран» — чистые поля журнала исписаны мелкими строчками. Заготовки к новой песне. Значит, работал и в самолете. Отдыхать он совершенно не умел. Потом на даче, когда все купались в море, загорали, он лежал на земле, во дворе дома, и работал. Помню, готовили плем на костре. Кричали, смеялись, чуть ли не перешагивали через него, а он работал. Вечером спел новую песню. Она называлась «Баллада о детстве». Ему никто не говорил: Владимир Семенович. Все называли Володей. Его не просто любили. Каждый ощущал себя с ним как бы в родственных отношениях.

Будем называть его Володей и мы.

Летом 66-го мы снимали «Вертикаль» на Кавказе. Актерам довелось пожить недельку в палатке под ледником. Надо было набраться альпинистского опыта, вообще почувствовать горы. Особенно Володе. Мы очень рассчитывали на песни, которые он напишет. Без них картина не могла состояться.

В это время на пике Вольная Испания случилось несчастье. Погиб альпинист, товарищи безуспешно пытались снять его со стены. На помощь двинулись спасательные отряды. Шли дожди, гора осыпалась камнепадами. Ледник под вершиной стал напоминать поле боя — то и дело вниз по леднику спускались альпинисты, вели под руки раненого товарища, кого-то несли на носилках. Палатка наших актеров превратилась в перевалочный пункт. Здесь восходителей ждали горячий чай, сильная помощь.

Происходило нечто значительное и драматическое. Можно же было подождать неделю, пока утихнет непогода, в конце концов тот, ради кого рисковали жизнью эти люди, все равно

Клянусь себя за легкомыслие — одно не записал, другое не потрудился запомнить. И не оттого, что не понимал, кто со мной рядом. Но разве можно было предположить, что он, моложе на два года, наделенный природным здоровьем, уйдет из жизни раньше.

был уже мертв. Но нет, альпинисты упрямо штурмовали вершину. Это уже был вызов. Кому? Володя жадно вслушивался в разговоры, пытался схватить суть, понять, ради чего все это?.. Так родилась первая песня:

*Да, можно свернуть,
Обрыв обогнуть,
Но мы выбираем
трудный путь,*

*Опасный, как военная тропа.
Альпинисты считали его своим.
Верили, что он опытный
восходитель. А он увидел горы
впервые за два месяца до того,
как написал ставшие такими
популярными песни о горах.
Люди воевавшие были уверены,
что он их боевой товарищ.
Такая правда, такая ободранная
до крови правда лезла из
его военных песен. А ему,
когда началась война, исполнилось
три года. Он был
настоящий мужчина. По природе
своей, героическому нутру
он должен был, вероятно,
пойти в моряки, в летчики,
в солдаты. Но для этого надо
было иметь несколько жизней.
Поэтому он в песнях проживал
то, что хотел бы прожить
в жизни. Он, будучи артистической
натурой, как бы становился
на мгновение тем, кем
хотел быть. Свою несостоявшуюся
ипостась он находил
в этих песнях.*

Для Володи общение с интересными людьми значило очень много. Он как поэт питался тем, что видел и слышал. Для него интересные люди были окном в мир, куда он, перегруженный заботами и обязанностями, не имел легкого доступа. Он искал таких встреч. Однажды пришел к нему человек удивительной судьбы — золотоискатель из Сибири. Я видел, как Володя слушал его. Весь — напряженное внимание, боязнь упустить слово из рассказа. Живая реакция на смешное, искренняя боль в глазах, когда речь заходит о несправедливости. И опять добрая улыбка, раскрасневшая собеседника, робевшего сначала перед любимым поэтом, популярным артистом. Человечек этот рассказывал всю ночь. Володя несколько раз брал гитару, начинал песню, но обрывал ее, откладывая гитару в сторону. Выстрадавшие другими всегда казалось ему более значительным, чем свое, собственное.

Снова обращаюсь к записной книжке. «Август 68-го. Лечу в Красноярск. Оттуда поездом до станции Мана. Потом — пешком. Глубокой ночью вхожу в село. Оно расположено на берегу саянской речки и называется очень красиво — Вязжий Лог. Бужу всех собак, с трудом нахожу нужный мне дом. Стучу...»

Открыл мне Валерий Золотухин. Они с Володей снимались тут в «Хозяине тайги». В доме темно — ни керосиновой лампы, ни свечки, электричество отключили в одиннадцать часов вечера. Мы обнялись в темноте, Володя сказал...

Что может сказать разбуженный среди ночи человек, которому в шесть утра вставать на работу? Каждый, наверное, свое. Но я точно знаю теперь, что скажет истинный поэт. — Какую я песню написал! — сказал Высоцкий. Валерий протянул ему гитару, я еще рядышком на лавку и запели на два голоса «Баньку». Никогда больше не доводилось мне слышать такого проникновенного исполнения.

Недавно меня повели слушать нового барда. «Как? Вы еще не слышали его? Это же премия Высоцкого!» Я не поверил, но все-таки пошел. Бард заставил себя прождать полтора часа. Как он объяснил потом усталым голосом, поет

он с десяти утра — в этот день он уже дал несколько концертов. Что ж, новые времена, новые нравы. Жаль только, что Высоцкий не имел такой свободы для концертной деятельности. Время близилось к часу ночи. Но вот появился и сам бард. За ним двигался могучий дядька, может быть, телохранитель — нес его гитару. Бард проследовал за кулисы, подождал, а возможно, выпил чашку кофе или просто выкурил сигарету — для хриплости, для похорожи — и наконец появился на сцене. На нем были грязные кроссовки, мятые, похожие на кальсоны штаны, маечка — все, что положено кумиру молодежи восьмидесятых годов. Я вспомнил, как одевался для концерта Высоцкий. Скромно, продуманно, с достоинством. Хотя внешне всегда одинаково: начищенные туфли, отутюженные брюки, рубашка. Зимой — пуловер или свитер. Он хотел, чтобы его уважали. И сам с огромным уважением относился к тем, для кого пел и работал.

Бард стал петь. Недоумение мое росло от песни к песне. В чем же они видят похорожи? Во-первых, не артистичен. Да с Высоцким и невозможно сравниться. Не музыкален. Хриплый голос, лишний какой-либо диапазон, и десяток Володинских аккордов положения не спасают. Чем больше вслушивался я в тексты песен, тем яснее понимал, что налицо отсутствие, так сказать, присутствия — самой поэзии. Больше всего смутила публика, смотрю вокруг — многим нравятся, хлопают. Неужели все должно было обернуться таким глупым фарсом! Явление Высоцкого, глашатая двадцатилетия, сменилось появлением вот такого самоуверенного барда. Вино перебродило и превратилось в уксус. И люди — может быть, те самые, что восхищались необычайной образностью поэзии Высоцкого, высоким качеством его стихотворной строки — с наслаждением слушают сегодня вот это:

*В шумном городе Одессе
Золотых немало песен,
С детства я люблю их красоту.
Это из песни об Одессе.
«Только что сочинил», — с гордостью
признался бард. Бедный,
бедный! И не подозревает,
каким он является лакомым,
прямо-таки изысканным
блюдом нашего гурмана от
подобной «поэзии» — пародиста
Александра Иванова.*

Однажды мы жили с Володей в Доме творчества кинематографистов. Пытались сочинить детектив. Сюжет шел плохо и вскоре застрял окончательно. Запутались мы на «кранцах» — сюжет был морским. Я, считавший себя знатоком морского дела, уверял насчет «кранцев» одно, Володя — другое. Мы поссорились. Примерно год спустя в случайном разговоре с моряками я с удивлением обнаружил, что Высоцкий прав. Потом мне не раз приходилось изумляться его удивительной осведомленности о предмете или области, весьма отдаленной от рода его занятий.

В 68-м году физики Сибирского филиала Академии наук показывали нам настоящий ускоритель. Объяснял что к чему молодой бородастый ученый. Вскоре я отвлекся от объяснений, так как перестал что-либо понимать. Смотрю, Володя кивает, подкакивает. Ну, думаю, играет. А на самом деле ничего не понимает, как и я. Вдруг он стал задавать вопросы бородатому физику. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Словно мячики кидают друг другу. Вскоре я понял, что

мой друг свободно разбирается в предмете разговора. А ведь он был чистым гуманитарием! Вот еще один штришок, который не грех добавить к портрету Высоцкого. Но вернемся к нашим баранам. То есть к «кранцам», которые нас рассорили. Плюнули мы на сценарий — каждый занялся своим делом. Спустя некоторое время Володя буркнул:

— Расскажи мне про шахматы. «Ага, — подумал я, — скоро появится песня про мои любимые шахматы». Он как раз находился в «спортивной полесе» своего творчества.

Я стал объяснять: игра начинается с дебюта... начала бывают разные... например, «королевский гамбит», «староиндийская защита»...

— Хватит! — сказал Володя. — Этого достаточно.

Я обиделся — с таким шахматным багажом приступить к песне о шахматах? Он замолк на полтора дня. Что писал мелкими круглыми буквами, брал гитару, пощипывал струны. Именно так — не подбирая мелодию, а как бы просто пощипывал струны, глядя куда-то в одну точку. На второй день к вечеру песня была готова. Она называлась «Борьба за шахматную корону».

Она меня поначалу разочаровала. Не знаю уж, что я ожидал, помню, даже обиделся за шахматы. Ну что это за ерунда, в самом деле:

*Мы сыграли с Талем
десять партий
В преферанс, в очко
и на бильярде,
Таль сказал: «Такой
не подведет».*

Через неделю мы сели с Володей в поезд. Я ехал в Одессу, он — в Киев. У него там было два концерта. Конечно же я задержался в Киеве и пошел с ним на концерт. На нем он впервые решил попробовать на публике «Шахматную корону». Что творилось с публикой! Люди корчились от смеха — и вместе с ними.

Смешное нельзя показывать одному человеку, смешное надо проверять на большой и дружелюбной настроенной аудитории. После истории с «Шахматной короной» я это хорошо понял. И конечно, не надо ему было ничего знать о шахматах. Потому что это песня не о шахматах, а о жизни. Нет у Высоцкого песен о море, о небе, о земле. Все они — о нашей жизни, о нас. И спорт для него — модель жизни. Неудивительно, что главные действующие лица его спортивных миниатюр — отнюдь не герои. Но это может обидеть только тех, кто воспринимает на банальных песнопениях во славу советского спорта. Панегирики же никогда не были амплуа Высоцкого. Ведь что отличает поэзию Высоцкого? Высокая гражданственность. Активная позиция автора. Все, что мешает, все, что оскорбляет и порочит наше общество, — безжалостно высмеять! А высмеять — значит раздеть, обнажить гниющую сущность. Поэтому так велика очистительная сила его стихов и песен. Поэтому так много в них смешных, нелепых, глупых, попросту отвратительных персонажей. Только слепой, глухой может отождествлять их с личностью автора. Вот и спорт. В нем, как в жизни, есть плохое и хорошее. Есть те, кто рвется на пьедестал только потому, что знает: «первым — лучшие куски». И есть те, для кого спорт — это борьба с самим собой, с собственными слабостями, победа — победа над самим собой.

*И пусть пройдет
немалый срок,*

*Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить...*

Песня о горах, об альпинистах — значит, о спорте. Но она о жизни. В жизни трагическое и смешное — рядом. У Высоцкого юмор присутствует даже в стихах высокого трагического накала. Что уж говорить об остальных стихах — там просто золотые россыпи юмора.

Он всегда жил очень быстро. Быстро работал, быстро ел, быстро передвигался, на сумасшедшей скорости водил машину, не выносил поезда — летал самолетом. В последнее время его жизненный темп достиг предела. Четыре-пять часов — сон, остальное — работа. Рабочий день его мог сложиться, скажем, таким образом. Утром — репетиция в театре. Днем — съемка или озвучание, или запись на «Мелодии». Потом — концерт где-нибудь в Дубне. Вечером — «Гамлет».

Спектакль немалого напряжения: свитер в антракте — хоть выжимай. Ночью — друзья, разговоры. После спектакля у него, на Малой Грузинской, всегда полно народу. Тут можно встретить кого угодно: писателя, актера, музыканта, таксиста, режиссера, врача, художника, бывшего вора «в законе», академика, маркера, знаменитого иностранного артиста и слесаря. К нему тянулись люди, и он не мог без них — он должен был знать обо всем, что происходит в жизни.

Надо бы сказать еще вот о чем. Он, чей рабочий день был загружен до предела, вынужден был отнимать у себя время — отнимать у поэзии! — на решение разных бытовых вопросов своих друзей. Помогал всем, кто просил помочь. Одному «пробивал» машину, другому — квартиру, третьему — сценарий. Больно говорить об этом, но многие его знакомые нещадно эксплуатировали его популярность и возможность войти в любые двери — к любому начальнику.

Володя любил ночные разговоры. Сам заваривал чай, обожал церемонно приготовления этого напитка. Полки на кухне были заставлены до потолка банками с чаем, привезенным отовсюду. И только глубокой ночью, почти на рассвете, когда все расходились и дом затихал, он садился к столу у Володи были другие планы, я знал их, и мы построили для него щадящий режим съемок, чтобы он мог осуществить все задуманное: побывать на Таити, совершить гастрольное турне по городам Америки...

Он давно подумывал о режиссуре. Хотелось на экране выразить свой взгляд на жизнь. Возможность подвернулась сама собой. Мне нужно было срочно ехать на фестиваль, и я с радостным облегчением уступил ему режиссерский жезл.

Когда я вернулся, группа встретила меня словами: «Он нас измучил!» Он входил в павильон абсолютно готовым к работе, всегда в добром настроении и заражал своей энергией и уверенностью всех участников съемки. По этой короткой пробе легко было представить его в роли режиссера большой картины. Зато на тонировке с ним было тяжело. Процесс трудный и не самый творческий — актер должен слово в слово повторить то, что наговорил на рабочей фонограмме, загрязненной шумами, стрекотом камеры. Бесконечно крутится кольцо на экране. Володя стоит перед микрофоном и пытается «вложить» в губы Жеглова нужные реплики. Он торопится, и от того дело движется еще мед-

леннее, он безбожно ухудшает образ. «Сойдет!» — кричит он. Я требую записать еще дубль. Он бушует, выносятся из зала, через полчаса возвращается, покорно становится к микрофону. Ему хочется на волю, а кольцо не пускает. Ему скучно, он уже прожил жизнь Жеглова, его творческое нутро требует нового, впереди ждут Дон Гуан и Свидригайлов, а внизу, у подъезда, нетерпеливо перебирают ногами и звенят серебряной сбруей его Кони.

Он ушел от нас 25 июля 1980 года. А за год до этого, 25-го же июля, у него перестало биться сердце и остановилось дыхание. Медики называют это клинической смертью.

Было это в жару в Средней Азии. Рядом, к счастью, оказался врач. Он стал дышать за него, делать массаж сердца. Укол в сердечную мышцу — и сердце задвигалось.

Как Володя поступил? Лег на полгода в больницу, затих, перестал «выкладываться» на концертах и выжимать свитер в антрактах? Ничего подобного! На следующий день он улетел в Москву, а еще через день поехал в аэропорт встречать самолет, на котором летел спасший его врач. Самолет из-за непогоды сел не в Домодедове, а во Внукове. Он помчался туда.

Врач был потрясен, когда открылась дверь в самолете (Володя любил и многое ему позволяли) и в нее вошел Высоцкий.

Зачем я вспоминаю все это? Из этих крупниц характера может сложиться образ поэта, не жалевшего себя, целиком отдавшего себя друзьям, искусству, своим песням. Людям! Он жил для них, работал для них, и они ему платили огромной любовью.

Если бы Высоцкого спросили, сколько у него друзей, он бы бился со счета. Но он не подозревал, как много их обнаружится после его смерти. В этом нет ничего удивительного. Он так легко сходился с людьми, так был контактен, как принято нынче говорить, так улыбчив, так расположен к собеседнику, так умел его разговаривать, заставить выдать сокровенное, с таким неподдельным интересом слушал его и, расставаясь, так искренне просил не забывать, звонить, навещать, что человек, только что с ним познакомившийся, уходил от него в убеждении, что именно его отметил, выделил из толпы Володя, и навеки записывал Володю в свои близкие друзья. Лучшая его роль — Гамлет. Жеглова он «сыграл», а Гамлета «прожил». Для меня Гамлет — это и есть сам Высоцкий. Для него всегда существовал вопрос: быть или не быть? Как жить? Доживать ли свой век тихо, спокойно, прислушиваясь к стукам в сердце, или остаться таким, каким ему предназначено быть? Вести ли эмоциональную, беспокойную жизнь поэта или оттягивать, отодвигать неотвратимое? Быть или не быть?

Он умер рано. Впрочем, как посмотреть... Он жил в таком темпе, так проживал отпущенное ему время, оставил такой заметный след в театре, так ярко вспыхивал на экране и, главное, оставил столько стихов, которые навсегда «останутся в строю», — нет, такую жизнь нельзя считать короткой!

Станислав Говорухин.
Одесса.